

Литературныя замѣтки.

По поводу новаго разсказа А. П. Чехова „Въ оврагѣ“.

(„Жизнь“—январь).

— ... Жизнь долгая—будетъ еще и хорошаго, и дурного, всего будетъ! Велика матушка Россія! Я во всей Россіи былъ и все въ ней видѣлъ... Ты моему слову вѣрь, милая. Будетъ и дурное...

Это говорить одинъ изъ героевъ новаго разсказа Чехова „Въ оврагѣ“,—это говоритъ Чеховъ, сострадательно и бодро улыбаясь читателю. Я не стану излагать содержаніе его разсказа—это одно изъ тѣхъ его произведеній, въ которыхъ содержанія гораздо больше, чѣмъ словъ. Чеховъ, какъ стилистъ, единственный изъ художниковъ нашего времени, въ высокой степени усвоившій искусство писать такъ, „чтобы словамъ было тѣсно, мыслямъ—просто“¹. И если-бъ я началъ послѣдовательно излагать содержаніе его разсказа, то мое изложеніе было бы больше по размѣрамъ, чѣмъ самый разсказъ. Это можетъ показаться смѣшнымъ. Что-жъ? правда очень часто кажется смѣшной. Передавать содержаніе разсказовъ Чехова еще и потому нельзя, что всѣ они, какъ дорогія и тонкія кружева, требуютъ осторожнаго обращенія съ собою и не выносятъ прикосновенія грубыхъ рукъ, которыя могутъ только смять ихъ...

Въ новомъ разсказѣ Чехова героями являются: деревенскій лавочникъ, грабитель и мошенникъ; его сынъ, агентъ сыскной полиціи; другой сынъ, глухой и глухой; жена лавочника, добрая баба; его снохи,—одна хорошая, другая дурная; старый плотникъ Костыль, человѣкъ мудрый и милый, какъ малое дитя.

— Кто трудится, кто терпитъ, тотъ и старше...—наивно говорить этотъ плотникъ.

Всѣ эти люди, хорошіе и дурные, живутъ въ разсказѣ Чехова именно такъ, какъ они живутъ въ дѣйствительности. Въ разсказахъ Чехова нѣтъ ничего такого, чего не было бы въ дѣйствительности. Страшная сила его таланта именно въ томъ, что онъ *никогда ничего не выдумываетъ отъ себя*, не избира-

жаетъ того, „чего нѣтъ на свѣтѣ“, но что быть можетъ и хорошо, можетъ быть и жутельно. Онъ никогда не прикрашиваетъ людей и тѣ, кто его не любятъ—такіе, впрочемъ, совсѣмъ уже вымираютъ—не любятъ его именно за это, хотя и объясняютъ свою неприязнь иначе. Они, въ сущности, просто чувствуютъ себя обиженными, когда видятъ свое отраженіе въ этомъ удивительномъ огромномъ зеркалѣ—сердцѣ автора. Имъ становится стыдно за себя и они немножко злятся. Это можно простить имъ—всякій современный человѣкъ нуждается въ подрисовкѣ не меньше любой старой кокетки. Онъ вѣдь страшно много прожилъ сердца на обожаніе профессора Серебрякова, въ книгахъ котораго, какъ „дядя Ваня“, двадцать пять лѣтъ видѣлъ руководство къ жизни, а жизнь проморгалъ. Чеховъ очень много написалъ маленькихъ комедій о людяхъ, проглядѣвшихъ жизнь, и этимъ нажилъ себѣ множество неприятелей.

Еще со временъ „Скучной исторіи“ начали говорить о Чеховѣ. „Да, конечно, это талантъ крупный, но...“ и, подражая Сент-Беву, старались превратить похвалу въ гнѣздо осъ. А Чеховъ слушалъ—впрочемъ, вѣроятно, не слушалъ—и писалъ. Въ самомъ началѣ трудной литературной карьеры Чехова одинъ изъ нашихъ критиковъ, наиболѣе бездарный и тѣмъ отличающійся отъ другихъ, менѣе бездарныхъ, пророчилъ о немъ какъ о человѣкѣ, который сохнетъ и умретъ подъ заборомъ. Критикъ этотъ живъ до сего дня и... я не хотѣлъ-бы быть на его мѣстѣ, если онъ не забываетъ того, что пишетъ. Критикъ этотъ умретъ и тогда о немъ вспомнятъ, немножко попишутъ о немъ и снова забудутъ его. А когда умретъ Чеховъ—умретъ одинъ изъ лучшихъ друзей Россіи, другъ умный, безпристрастный, правдивый—другъ, любящій ее, страдающій ей во всемъ, и Россія вся дрогнетъ отъ горя и долго не забудетъ его, долго будетъ учиться понимать жизнь по его писаніямъ, освѣщеннымъ грустной улыбкой любящаго сердца, по его разсказамъ, пропитаннымъ глубокимъ знаніемъ жизни, мудрымъ безпристрастіемъ и состраданіемъ къ людямъ, не жалостью, а состраданіемъ умнаго и чуткаго человѣка, который все понимаетъ.

Человѣкъ, который все понимаетъ, очень несчастный человѣкъ. у него непремѣнно должна быть та болѣзненная трещина въ сердцѣ, о которой говоритъ Гейне. Онъ, этотъ человѣкъ, видитъ предъ собою жизнь такой, какова она есть—отдѣльные жизни какъ нити, а всѣ вмѣстѣ—какъ огромный, страшно спутанный клубокъ. Этотъ клубокъ болтается гдѣ-то въ пространствѣ, и весь трепещетъ отъ силы противоположныхъ стремленій и страстей. Одну и ту-же нитку тянутъ въ разныя стороны.

Жена лавочника Цыбукина говорить своему сыну, сыщику:

— Живемъ мы хорошо, всего у насъ много... только вотъ скучно у насъ. Ужъ очень народъ обижаемъ. Сердце мое болитъ, дружокъ, обижаемъ какъ—и Боже мой.

Ей не хочется обижать народъ, но порядокъ жизни таковъ, что надо обижать.

А сынъ ея, сыщикъ, отправляясь поддѣлывать рубли и полтинники, говоритъ:

— Теперь такъ говорятъ, что будто конецъ свѣта пришелъ оттого, что народъ ослабѣлъ, родителей не почитаютъ и прочее. Это пустяки. Я такъ, мамаша, понимаю, что все горе оттого, что совѣсти мало въ людяхъ...

Его давно уже тяготятъ мученія совѣсти, но онъ все-таки дѣлаетъ фальшивые рубли. Это очень правдиво, это удивительно вѣрно взято Чеховымъ. Вѣдь, милостивые государи, какъ подумаешь хорошенько—всѣ мы фальшивые монетчики! Не поддѣлываемъ-ли мы слово—серебро, влагая въ него искусственно подогрѣтыя чувства?.. Вотъ, напримѣръ, искренность—она почти всегда фальшивая у насъ. И всякій знаетъ, сколько онъ лжетъ даже тогда, когда говоритъ о правдѣ, о необходимости любви къ ближнему, уваженія къ человѣку. И постоянно каждого изъ насъ, какъ Анисима Цыбукина, тянетъ въ противоположныя стороны, къ заботамъ о воплощеніи въ жизнь истины и справедливости и къ ѣздѣ верхомъ на шеѣ ближняго. Всего болѣе и всего чаще въ человѣкѣ борятся два взаимно другъ друга отрицающія стремленія: стремленіе *быть* лучше и стремленіе лучше *жить*. Объединить эти два позыва въ стройное одно—не возможно при существующей путаницѣ жизни.

Чеховъ понимаетъ этотъ разрывъ въ человѣкѣ какъ никто и какъ никто умѣетъ въ простой и ослѣпительно ясной формѣ рисовать трагикомедіи на этой почвѣ. Онъ не говоритъ новаго, но то, что онъ говорить, выходитъ у него потрясающе убѣдительно и просто, до ужаса просто и ясно, неопровержимо вѣрно. И потому, рѣчь его всегда облечена въ удивительно красивую и тоже до наивности простую форму, и эта форма еще усиливаетъ значеніе рѣчи. Какъ стилистъ, Чеховъ недостигаемъ, и будущій историкъ литературы, говоря о ростѣ русскаго языка, скажетъ, что языкъ этотъ создали Пушкинъ, Тургеневъ и Чеховъ. Его упрекали въ отсутствіи міросозерцанія. Нелѣпный упрекъ! Міросозерцаніе въ широкомъ смыслѣ слова есть нѣчто необходимо собственное человѣку, потому что оно есть личное представленіе человѣка о мірѣ и о своей роли въ немъ.

Въ этомъ смыслѣ оно свойственно даже таракану, что и подтверждается тѣмъ, что большинство изъ насъ обладаетъ именно тараканьимъ міросозерцаніемъ, т. е. сидитъ всю жизнь въ тепломъ мѣстѣ, шевелитъ усами, ѣстъ хлѣбъ и располагаетъ тараканш-ковъ.

У Чехова есть нѣчто большее, чѣмъ міросозерцаніе—онъ овладѣлъ своимъ представленіемъ жизни и такимъ образомъ сталъ выше ея. Онъ освѣщаетъ ея скуку, ея нелѣпости, ея стремленія, весь ея хаосъ съ высшей точки зрѣнія. И хотя эта точка зрѣнія неуловима, не поддается опредѣленію—быть можетъ потому, что высока,—но она всегда чувствовалась въ его разсказахъ и все ярче пробивается въ нихъ. Все чаще слышится въ его разсказахъ грустный, но тяжелый и мѣткій упрекъ людямъ за ихъ неумѣнье жить, все красивѣе свѣтитъ въ нихъ состраданіе къ людямъ и—это главное!—звучитъ что-то простое, сильное, примиряющее всѣхъ и вся. Его скорбь о людяхъ очеловѣчиваетъ и сыщика, и грабителя-лавочника, всѣхъ, кого она коснется. „Понять—значитъ простить“,—это давно сказано и это сказано вѣрно. Чеховъ понимаетъ и говорить—простите! И еще говорить—помогите! Помогите жить людямъ, помогайте другъ другу!..

— „Откуда мнѣ знать, есть Богъ или нѣтъ?—говорить сыщикъ Цыбукинъ своей матери.—Насъ съ малолѣтства не тому учили, и младенецъ еще мать сосетъ, а его только одному и учатъ: кто къ чему при- ставленъ! Папаша вѣдь тоже въ Бога не вѣруетъ... И старшина тоже не вѣруетъ въ Бога, и писарь тоже, и дьячекъ тоже... А ежели они ходятъ въ церковь, и посты соблюдаютъ, такъ это для того, чтобы люди про нихъ худо не говорили и на тотъ случай, что можетъ и въ самомъ дѣлѣ страшный судъ будетъ“...

Бросьте камнемъ осужденія въ этого сыщика, если можете! Разумѣется, у васъ не поднимется рука на Цыбукина, ибо и вы тоже вѣдь заглядываете въ храмы вашихъ святынь лишь для того, чтобы „люди про васъ худо не думали“. Не сами-ли вы называете святыни ваши „забытыми словами“. А такъ какъ вамъ много дано—съ васъ нужно спросить не только больше, но и раньше, чѣмъ съ человѣка безъ почвы, безъ вѣры въ себя, въ людей и въ Бога. Человѣкъ болитъ душой, но идетъ дѣлать фальшивыя деньги, заглушая тревогу совѣсти ссылкой на другихъ, которые „тоже“... Разумѣется, дрянн-человѣкъ! Но какъ онъ можетъ быть лучше? И куда его, если онъ будетъ лучше? Въ той обстановкѣ, въ которой онъ живетъ, лучшіе должны погибнуть. И остается сыщику Цыбукину сказать вамъ, судьямъ своимъ, словами плотника Костыля:

— Мы на этомъ свѣтѣ жулики, а вы на томъ свѣтѣ будете жулики.

Освѣтить такъ жизненное явленіе — это значитъ приложить къ нему мѣру высшей справедливости. Чехову это доступно, и за это его глубоко человѣчный объективизмъ называли бездушнымъ и холоднымъ. Говорилось даже, что ему все равно о чемъ ни писать—о цвѣтахъ, о трупахъ, о дѣтяхъ, о лягушкахъ, у него все выходитъ одинаково хорошо и холодно. Вообще, едва-ли былъ и есть писатель, къ которому въ началѣ дѣятельности относились бы такъ несправедливо, какъ къ Чехову.

Но дѣло не въ этомъ.

Дѣло въ томъ, что каждый новый разсказъ Чехова все усиливаетъ одну глубоко

цѣнную и нужную для насъ ноту—ноту боли и любви къ жизни.

— Жизнь долгая—будетъ еще и хорошаго, и дурного, всего будетъ! Велика матушка Россія..

Въ новомъ разсказѣ, трагическомъ, мрачномъ до ужаса, эта нота звучитъ сильнѣе, чѣмъ раньше, и будитъ въ душѣ радость и за насъ, и за него, трубадура „хмурой“ дѣйствительности, грустнаго пѣвца о горѣ, страданіяхъ „нудныхъ“ людей.

Глядя на жизнь и нашу горе, Чеховъ, сначала смущенный неурядицей и хаосомъ нашего бытія, стоналъ и вздыхалъ съ нами; нынѣ, поднявшись выше, овладѣвъ своими впечатлѣніями, онъ, какъ огромный рефл- лекторъ, собралъ въ себя всѣ лучи ея, всѣ краски, взвѣсилъ все дурное и хорошее въ сердцѣ своемъ и говоритъ:

— „Жизнь долгая—будетъ еще и хорошаго, и дурного, всего будетъ. Велика матушка Россія! Я во всей Россіи былъ и все въ ней видѣлъ и ты моему слову вѣрь, милая. Будетъ и хорошее, будетъ и дурное. Я ходокомъ въ Сибирь ходилъ, и на Амурѣ былъ, и на Алтаѣ, и въ Сибирь переселился, землю тамъ пахалъ; соскучился потомъ по матушкѣ Россіи и назадъ вернулся въ родную деревню. Назадъ, въ Россію пѣшкомъ шли, и, помню, плывемъ мы на паромѣ, а я худой-худой, рванный весь, босой, озябъ, сосу корку, а проѣзжіи господа тутъ какой то на паромѣ—если померъ, то царство ему небесное,—глядятъ на меня жалостно, слезы текутъ: „Эхъ, говорить, хлѣбъ твой черный, дни твои черные“... А домой пріѣхалъ,—какъ говорится, ни кола, ни двора; баба была, да въ Сибири осталась—закопала. Такъ, въ батракахъ живу. А что-жъ? Скажу тебѣ: потомъ было и дурное, было и хорошее. Вотъ и помирать не хочется, милая, еще бы годочковъ двадцать прожилъ; значитъ, хорошаго было больше... А велика матушка Россія!“...

И огромные рождаются въ ней таланты, прекрасныя, глубокия сердца въ ней есть! Будемъ вѣрить, что хорошаго не только было больше, но и *будетъ* больше!

М. Горькій.